

Биография по новому стилю

Несколько слов к юбилею Бориса Ефимова

Фото А. МЕЛИХОВА

Хочу сразу сказать, что наш юбиляр к юбилеям, в том числе и собственным, относится несерьезно.

Десять лет назад в "Крокодиле" отмечали 90-летие Бориса Ефимова и увенчание его Золотой Звездой Героя. Нельзя сказать, что стол ломился, но и не был пуст. Зато ломился наш Продолговатый зал: желающих сказать добрые слова великому Бор.Ефимову было гораздо больше, чем квадратных метров на двенадцатом этаже правдинского небоскреба. Опрокинув рюмочку очищенной и закусив бочковой сельдью с савеловского рынка, юбиляр шепнул мне на ухо с вполне серьезным выражением лица:

— Все идет хорошо, дорогой Алексей Степанович. Только вот одно меня беспокоит: чем дольше я живу, тем лучше себя чувствую.

Я поперхнулся савеловским же соленым огурцом, которым закусывал «боржоми». А отдышавшись, сказал:

— Ну за это надо выпить!

И мы выпили.

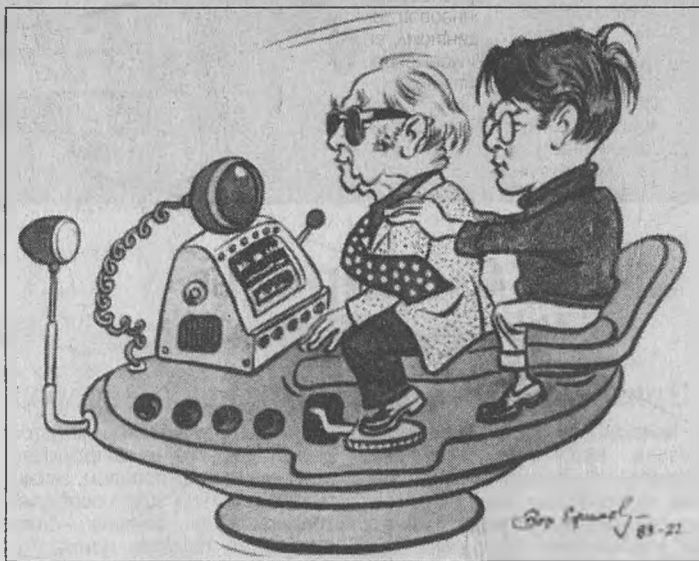
И задуманный как большое торжество крокодильский сабантуй превратился в дружеское застолье, чему виновник торжества был весьма рад. Хочу только напомнить, что все это происходило до гайдаровских реформ и у нас еще были запасы денег и оптимизма.

Другой сюжет на ту же тему.

Звонит взволнованный Игорь Смирнов, известный художник, старый друг "Крокодила", одержимый идеей создать в Москве музей-клуб сатиры и юмора или карикатуры, я точно не помню названия. И говорит:

— А знаете ли вы, что через два дня Борису Ефимову сто лет?

— Нет, — отвечаю, — я не знаю, что

именно через два дня. Мне кажется, что несколько позже.

— Подождите! — кричит в трубку Игорь, — сейчас посмотрю энциклопедию.

Через минуту слышу:

— Ну, что я говорил: народный художник СССР, академик, Герой Социалистического Труда Бор. Ефимов родился 15 сентября 1900 года... Что собираетесь делать, как отмечать юбилей?

Застигнутый врасплох, я что-то мямлю про то, что Володе Мочалову заказан парадный и действительно дружеский шарж, который планируется оправить в дорожную позолоченную рамку и сопроводить соответствующими событиями стихами, а Игорь перебивает меня:

— Все это хорошо. А я беру бутыл-

ку самого лучшего коньяка и завтра же еду к Борису Ефимовичу.

Через день Смирнов снова позвонил мне:

— Вы были правы, юбилей у Ефимова 28 сентября. А в энциклопедии, оказывается, по старому стилю указано. Но я был у него. Выпили по рюмочке. Я извинился за преждевременный визит, а он говорит: "Ничего, Игорь, можете и завтра приезжать, если такой же коньяк найдете".

Вот такой он — наш Борис Ефимович Ефимов. И в сто своих лет все тот же живой, веселый, легкий в общении человек, каким был в юные годы, когда приехал завоевывать столицу.

И завоевал. Как говорил один гайдаевский персонаж, без шума и

пыли. А токмо трудом, усердием, талантом, став в один ряд с выдающимися мастерами отечественной и мировой сатиры. Кукрышники и Бор.Ефимов — эти имена вошли в знаковый имидж страны, в жизнь нашу, в политику и культуру, в искусство и быт. Они стали частью — значимой, высокой — нашего времени.

Он всякое знал в долгой своей жизни. Порой снаряды рвались рядом: трагически погиб загубленный страшным режимом любимый брат Михаил Кольцов. Повыкосило, как траву в поле, ряды друзей и товарищей.

Он уцелел. Он не согнулся. Не погас свет в его близоруких, но так далеко видящих глазах. Он остался все тем же "Бор.Ефимовым", которого знают и любят миллионы людей и у нас, и далеко за пределами страны.

Его рисунки "редактировал" своим трагически знаменитым красным карандашом сам Сталин. Но главным редактором Бориса Ефимова были и остались его совесть, его талант, его неугасимое жизнелюбие, благодаря которым он и чувствует себя тем лучше, чем дольше живет.

Потому что живет честно.

Один строгий мой товарищ, которому я показал эти заметки, сказал:

— Ты же сам написал, старик, что он не любит юбилеев. А тут вон какой панегирик — сплошные восторги.

Я ответил ему:

— Во-первых, я не сказал, что Ефимов не любит юбилеев. Просто он не делает из них культа, не относится к ним с трепетом, как иные его собратья в разных искусствах и науках. Я вот знал одного такого, которому к юбилею должны были дать Героя. Почему-то не дали: говорят, Черненко вычеркнул. Ну он, юбиляр, от огорчения и умер. Не знаю, что дадут нынче Ефимову, но уверен, что для него сие большого значения не имеет: его заслуги перед Отечеством столь очевидны, что уже давно не требуют официального подтверждения.

Так, или почти так, сказал я своему суровому товарищу, который, кстати, пишет отличную прозу. И еще я сказал ему, что, если он доживет до ста лет, я напишу о нем столь же восторженно, как нынче о человеке, которого люблю, дружок с которым горжусь и не стесняюсь признаться во всем этом публично. Сейчас. Сегодня. Ибо, как сказал один славный ленинградский поэт:

О человеке надо говорить,

Пока он слышит.

Алексей ПЬЯНОВ,
главный редактор журнала
"Крокодил"